

С Л О В О

въ день пятидесятилѣтняго юбилея кѣвской духовной академіи, 28 сентября 1869 года ¹⁾.

Любѣи премудрость любитъ жизнь. Сирах. 4, 13.

Наука имѣетъ самое близкое отношеніе къ жизни. Не прихоть людская произвела ее, но жизнь вызвала ее на свѣтъ, какъ необходимое пособіе для себя. Поэтому древній мудрецъ справедливо сказалъ: кто любитъ премудрость, тотъ любитъ жизнь. А мы прибавимъ къ этому: тотъ, кто любитъ жизнь, не можетъ не любить премудрости, науки.

Жизнь человѣка находится въ связи съ жизнію человѣчества, а жизнь человѣчества—съ жизнію всего существующаго, съ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ цѣлой вселенной. Высшее благо жизни нашей состоитъ въ согласіи съ временнымъ и вѣчнымъ порядкомъ царства Божія. Какая громадная задача науки—поставить жизнь человѣка въ согласіе съ жизнію всего существующаго!

Жизнь человѣчества не стоитъ, а течетъ. На поверхности ея непрерывно, какъ волны въ морѣ, одни явленія смѣняются другими, волнуютъ душу и вызываютъ въ ней новые во-

¹⁾ Сказано ректоромъ Академіи архимандритомъ Филаретомъ.

просы и новыя требованія. Можно ли тутъ наукѣ стоять неподвижно, когда жизнь человѣческая непрестанно предстаетъ предъ нею съ новыми скорбями, новыми нуждами и требованіями, новыми задачами и вопросами? Нельзя. Потому—то и говорятъ, что наука должна итти въ уровень съ жизнію.

Что говорятъ о наукѣ вообще, то мы хотимъ сказать о наукѣ нашей духовной, имѣющей приютъ въ здѣшнемъ святилищѣ высшихъ знаній. И наша духовная наука, какъ и всякая другая, или, лучше сказать, преимущественно предъ всякою другою, не должна отставать отъ теченія жизни, а насколько возможно предшествовать ему.

Наша наука отличается отъ всякой другой тѣмъ, что имѣетъ для себя готовое начало, готовую истину, тогда какъ всѣ другія науки только идутъ къ истинѣ, ищутъ начала для построенія своихъ теорій или для объясненія событій и явленій, къ ихъ области относящихся. Предметъ нашей науки вѣра Христова; а все содержаніе вѣры дано въ божественномъ откровеніи и сохраняется въ церковномъ преданіи, какъ вѣчная и неизмѣнная истина Ума божественнаго. Если такъ; то можно ли требовать отъ нашей науки какой либо подвижности или измѣняемости по теченію преходящаго времени? Когда напоминаютъ нашей наукѣ о современности, многимъ кажется, что отъ нея требуютъ того, что бы она отступила отъ своего начала, измѣнила преданной ей истинѣ. Боже сохрани, если бы это требовалось отъ нашей науки современностію! Тогда на подобное требованіе мы должны отвѣтить тоже, что писалъ ап. Павелъ Галатамъ, когда услышалъ, что они перешли къ иному благовѣствованію: *если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, анавсма да будетъ* (Галат 1, 8). Но оставаясь всегда вѣрною богопреданной истинѣ, наука наша имѣетъ свое движеніе по требованію времени и

жизни. Истина у насъ вѣчная и неизмѣнная; такую она и должна остаться до скончанія вѣка. Но измѣняется человѣчество, проходя въ историческомъ движеніи своемъ разные возрасты, степени и виды развитія; измѣняется жизнь человѣчества, раскрываясь подъ вліяніемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ условій и постоянно переходя изъ однихъ формъ въ другія. Призваніе науки—служить и содѣйствовать вѣрѣ, что бы живая сила ея проникала въ жизнь человѣческую во всякое данное время, что бы дѣло Христово постоянно снѣдалось въ человѣчествѣ во всѣхъ возрастахъ его и на всѣхъ ступеняхъ его развитія. А здѣсь—то и открывается нашей наукѣ обширное поле для ея работы и движенія впередъ.

Первое дѣло нашей науки ввести истину вѣры въ сознаніе людей, чтобы она была познана ими и вошла въ ихъ убѣжденіе. Не всегда однимъ и тѣмъ же способомъ можно достигнуть этого. Мыслительная сила не всегда одинаково относится къ предметамъ знанія; каждое частное время имѣетъ свои особенности въ этомъ отношеніи. Отсюда особые приемы въ изученіи предметовъ знанія и особые пути, коими разумная сила приходитъ къ познанію и убѣжденію, отличающіе одно время отъ другаго. Эти временныя особенности въ способахъ познанія и убѣжденія простираются и на предметы вѣры. Иногда довольствуются простымъ изложеніемъ вѣры, убѣждаясь въ ней непосредственнымъ ощущеніемъ ея силы и жизненности; въ другой разъ требуютъ отвлеченныхъ соображеній разума, сопоставляя истины вѣры съ тѣми или другими воззрѣніями на человѣка, природу и мірозданіе, существующими въ извѣстное время; въ иное время требуютъ историческихъ изслѣдованій объ истинахъ вѣры, раскрывавшихся въ сознаніи человѣческомъ въ соотношеніи съ разными уклоненіями отъ ученія церкви, заблужденіями, ересями, и проч. Эту измѣнчивость въ способахъ познанія вѣры можетъ примѣчать всякій. Иначе при-

ходили къ познанію вѣры наши отцы и дѣды, иначе изучаемъ ее мы; и что было убѣдительно для нихъ, то мало убѣждаетъ насъ. Поэтому, излагая людямъ истину вѣры, наука наша не можетъ не соображаться съ тѣмъ, какъ они представляютъ, мыслятъ, разсуждаютъ, вообще ли о предметахъ знанія или вчастности о предметахъ вѣры. Иначе, насъ не поймутъ, и непреложная истина вѣры не привьется къ сознанію людей.

Истина вѣры принадлежитъ не одному сознанію; она должна входить въ жизнь людей, быть началомъ ихъ желаній, дѣйствій и всего поведенія. И здѣсь наукъ нашей, также какъ и въ области сознанія, отрывается во всякое время новое поле для воздѣланія и работы. Не достаточно одного указанія людямъ нравственныхъ требованій закона евангельскаго, которыя для всякаго времени и для всѣхъ людей всегда и вездѣ одни и тѣже; надобно примѣнить ихъ къ дѣйствительной жизни, или, какъ говорятъ о законѣ, приложить къ практикѣ. Практика жизни, подъ вліяніемъ неустойчиваго времени, чрезвычайно измѣнчива. Новое время: являютъ у людей новыя понятія о нравственности, новыя воззрѣнія на жизнь, на ея смыслъ и значеніе, является другой складъ общества, другія отношенія между членами его, другія условія жизни. Такъ и говорятъ: другія времена, другіе нравы. И человѣкъ, какъ бы ни былъ крѣпокъ духомъ, больше или меньше платитъ дань тому общему духу, который направляетъ убѣжденіями и жизнью обществъ и который обыкновенно называется духомъ времени. Хорошъ ли этотъ духъ? Можетъ быть и хорошій; но не всегда бываетъ онъ таковымъ уже потому одному, что постоянно мѣняется. Чтобы, при этой измѣнчивости, вести человѣка и общество по пути указанному евангеліемъ, мало сказать—чего требуетъ и что запрещаетъ евангеліе, надо войти въ среду самой жизни, свѣтомъ истины Христовой освѣтить всѣ ея направленія и темныя извилины, указать что въ ней есть добраго

и не добраго, открыть препятствія къ преслѣванію въ людяхъ добра и указать средства къ противодѣйствію и устраненію ихъ, найти мѣры къ воспитанію людей въ истинномъ духѣ христіанства и направленію ихъ на подвигъ христіанскаго самоотверженія, любви и правды. А это дѣло всегда будетъ новымъ, доколѣ жизнь не перестанетъ производить на свѣтъ новыя поколѣнія людей.

Царство Божіе устрояется среди царствъ человѣческихъ. Царства земныя, какъ и все живущее на землѣ, постоянно измѣняютъ свое устройство: измѣняются формы правленія, измѣняются законы гражданскіе, порядки общественные, составъ и взаимныя отношенія членовъ общества и государства. При этихъ измѣненіяхъ, все ли въ церкви Божіей должно оставаться безъ перемѣны? Не подвижны до конца вѣковъ основы церкви, положенныя Христомъ и Апостолами; но во временныхъ учрежденіяхъ своихъ церковь не можетъ не соображаться съ порядками, какіе бываютъ въ царствахъ земныхъ, для того чтобы духъ вѣры могъ свободнѣе проникать въ учрежденія человѣческія и направлять строй жизни общественной и государственной къ распространенію въ людяхъ свѣта евангельскаго, къ соблюденію правды и утвержденію мира и любви между членами государства. Такимъ образомъ, и преобразованія въ царствахъ человѣческихъ даютъ каждый разъ наукѣ нашей новыя думы объ устроеніи въ людяхъ царствія Божія.

Служа великому дѣлу вѣры Христовой, мы являемся не первыми дѣятелями на этомъ поприщѣ. Сѣмя евангельскаго ученія давно посѣяно въ человѣчествѣ и живетъ въ немъ, какъ сѣмя жизни, какъ живая сила, его проникающая и соприкасающаяся всему, въ чемъ проявляется жизнь людей, умственная, нравственная и общественная. Состояніе на землѣ царства Божія Спаситель въ евангельской притчѣ уподобляетъ заква-

скѣ, которую женщина беретъ и полагаетъ въ три мѣры муки, ожидая пока вскиснетъ все смѣшеніе (Лук. 13, 21). Животворное ученіе вѣры, проповѣданное Христомъ и Апостолами, вошло въ человѣчество, какъ закваска, и, своими новыми элементами соприкасаясь ветхимъ стихіямъ сознанія и жизни, производитъ въ немъ броженіе, мало по малу перетворяя его и проникая собою; и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не проникнетъ въ цѣлый организмъ человѣчества, *пока не придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13). Въ этомъ броженіи, съ теченіемъ времени охватывающемъ большую и большую массу человѣчества по мѣрѣ распространенія евангелія между народами, проникающемъ глубже и глубже въ жизнь людей по мѣрѣ усвоенія ими началъ христіанскихъ, есть свой законъ постепенности и послѣдовательности, законъ такъ называсяго историческаго движенія. Съ одной стороны, сѣмя евангельскаго ученія такъ богато внутреннимъ содержаніемъ своимъ, что въ каждое время представляетъ жизни новые элементы для сознанія и усвоенія ею, и такъ живо и дѣйствительно, что не оставляетъ ни одного времени безъ произращенія въ людяхъ добрыхъ плодовъ своихъ. Съ другой стороны, ветхое начало жизни такъ живуче въ человѣчествѣ, что въ каждую эпоху показываетъ извѣстное напряженіе, болѣе или менѣе усиленное, удержать за собою владычество надъ сознаніемъ и жизнью людей. Мы слишкомъ погрѣшили бы предъ человѣчествомъ, если бы, взявши знамя науки, стали отвращать свои взоры отъ того, что совершается въ немъ. Дѣло науки—уловить тѣ направленія, которыя принимаетъ въ данное время идея Христіанства, пробиваясь въ сознаніе и жизнь людей чрезъ множество предрасудковъ, суевѣрій, заблужденій, страстей и пороковъ, и по возможности содѣйствовать успѣху ея,—понять и разрѣшить задачи времени, которыя

возникають изъ самой жизни, требующей просвѣщенія, обновленія и руководства,—отвѣчать на тѣ вопросы и недоумѣнія касательно вѣры и нравственности, которые слышатся между людьми, не привыкшими относиться безсознательно къ предметамъ мысли и дѣла,—оцѣнить по достоинству тѣ добрые помыслы, стремленія и дѣянія, которыя обнаруживаются въ жизни современнаго поколѣнія. Люди часто не сознають корня, изъ котораго произрастають лучшіе цвѣты на древѣ жизни. Сколько успѣху христіанства можетъ содѣйствовать наука, указывая въ немъ истинное происхожденіе тѣхъ стремленій къ распространенію между людьми свѣта вѣры и знанія, къ водворенію между ними справедливости и братской любви, тѣхъ проявленій частной и общественной благотворительности, которыя составляютъ лучшую сторону въ современной жизни!—Столько же, или еще болѣе, и другая сторона жизни вызываетъ учителя вѣры на работу среди современнаго ему поколѣнія. Мы знаемъ давно всѣ ереси и заблужденія человѣчества; знаемъ также давно всѣ страсти и пороки человѣческіе. И какъ—будто сознаніе не въ состояніи уже придумать новаго заблужденія, какъ—будто жизнь не въ силахъ дать новое наименованіе порока!... Однакожъ, и это не совсѣмъ вѣрно. Испорченная природа человѣческая не утратила еще своей энергіи, что бы производить новыя заблужденія и новые пороки. Но творя новое и продолжая старое, она слишкомъ изобрѣтательна на то, что бы въ каждое время съ старыми своими привычками и наклонностями являться въ новомъ видѣ и давніе свои недуги и болѣзни облевать въ новыя формы. И замѣчательно, что эта энергія и производительность испорченной природы бывають особенно сильны въ тѣ эпохи человѣчества, когда съ особенною силою обнаруживаются въ немъ возбужденія духа христіанскаго, духа истины и любви. Тогда ветхое начало жизни или подкапывается подъ него, подводя основы для несквѣрія, или,

что еще опаснѣе, прокрадывается въ самый духъ вѣры и примѣшиваетъ свои сѣмена въ самыя лучшія проявленія христіанскаго сознанія и жизни, въ понятія о вѣрѣ и подвиги христіанской любви. Мы впрочемъ не намѣрены характеризовать духъ и направленіе нашего времени; мы говоримъ только то, что каждое время имѣетъ свои недуги и болѣзни, умственные и нравственные, частныя и общественныя, которые, хотя бывають повтореніемъ или продолженіемъ старыхъ недуговъ и болѣзней, являются всегда въ новыхъ видахъ и формахъ, отличныхъ отъ прежняго времени, подобно тому, какъ одни и тѣ же физическія болѣзни, появляясь въ разное время или въ разныхъ мѣстностяхъ, имѣють не одинаковый характеръ и требуютъ отъ врача особенныхъ пріемовъ и особенныхъ мѣръ противъ себя. Мы хотимъ сказать, что наукѣ весьма недостаточно твердить людямъ только о томъ, чѣмъ болѣли наши отцы и праотцы и не трогать того жизненнаго пульса, который показываетъ наши собственные недуги и болѣзни, осложняющіеся отъ времени, движущагося впередъ. Конечно, надобно знать намъ прошедшее; но это знаніе только тогда полезно, когда изъ прошедшаго стараемся понять и опредѣлить настоящее состояніе свое, и когда въ прошедшемъ ищемъ той животворной струи, которая беретъ свое начало въ ученіи и жизни Спасителя нашего и чрезъ рядъ вѣковъ течетъ къ нашему времени, неся съ собою благодать спасенія для всего міра.

Въ былое время наука наша иногда устранилась отъ жизни и свою работу производила въ тихомъ уединеніи, вдали отъ шумнаго потока ея, погружаясь всею существомъ своимъ въ отвлеченное созерцаніе божественной истины: опредѣляла ее, дробила на составныя части, задавала себѣ вопросы, касающіеся существа ея, и рѣшала ихъ какъ хотѣла; предъ взорами ея совершенно исчезалъ волнующійся человѣческій міръ, и она носилась въ мірахъ надземныхъ. Чтожъ изъ этого вы-

ходито? Такъ какъ слово евангелія есть *слово жизни* (Фил. 2, 16), и потому богатое содержаніе его раскрывается, уясняется и познается только жизнію, то наука, устраниаясь отъ жизни и мечтая сама собою познать вѣчную истину евангелія, прежде всего сама впадала въ жалкое самообольщеніе: думая обладать истиною, она мало знала ее. Потомъ, когда вѣщанія ея доходили до слуха живыхъ людей, они казались неудобовразумительными глаголами, часто тяжелыми для слуха и всегда далекими отъ жизни. И потому жизнь, слушая уроки такой мудрости, поражалась иногда выпренности ихъ, но мало назидалась ими и шла своимъ путемъ по направленію всеувлекающаго духа времени. Наука оставалась далеко позади ея, не проливая на нее свѣта и не указывая пути, по которому надлежало ей итти.

Жизнь человѣчества не стоитъ, а течетъ. Куда течетъ? Никакая наука не можетъ оивѣчать основательно на этотъ вопросъ. Наукѣ нашей данъ свѣтъ, который озаряетъ и темную даль прошедшаго, откуда началась жизнь человѣчества, и послѣдній конецъ, коимъ разрѣшится она. Вооруженный откровеніемъ глазъ учителя вѣры можетъ въ событіяхъ жизни усматривать знаменія временъ, и по нимъ опредѣлять направленія ея; стоя на высотѣ вѣры и видя ясно прошедшее и настоящее, можетъ предугадывать, къ какому концу приведутъ всѣ помысленія и дѣянія сыновъ человѣческихъ. Если наукѣ нашей данъ такой свѣтъ, то не позади, а впереди теченія жизни мы должны возжигать его, чтобы освѣщать предъ нею всѣ ея распутія и указывать путь, который ведетъ людей къ истинѣ, благу и совершенству.

Если наука наша движется вмѣстѣ съ жизнію; то и школа наша, приготовляющая для жизни служителей науки, не можетъ оставаться не подвижною. И по временамъ она измѣняется въ

своемъ устройствѣ, въ составѣ своихъ ученій, въ методѣ преподаванія ихъ и въ способахъ раскрытія научныхъ истинъ, коротко сказать, преобразуется. Въ продолженіе болѣе—двухвѣковой своей жизни, наша академія испытала много измѣненій, пережила не одно уже преобразование. Это не есть недостатокъ школы, это живое и ясное свидѣтельство, что она никогда не отставала отъ текущей жизни, не была чуждою для религіозныхъ интересовъ общества, всегда старалась отвѣчать вопросамъ и требованіямъ времени. И каждая эпоха нашей школы давала достойныхъ дѣятелей на поприщѣ жизни, которыхъ память составляетъ славу древнѣйшаго въ нашемъ отечествѣ училища, и которыхъ никогда не забудетъ исторія, какъ просвѣтителей народа. Въ настоящій день наша академія празднуетъ свое возрожденіе, бывшее назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ. Въ праздникъ нашемъ не можетъ не обращать на себя вниманія то знаменательное обстоятельство, что онъ совершается въ одно время съ новымъ преобразованиемъ нашей академіи. Это обстоятельство не смущаетъ насъ мыслию, что прежній порядокъ вещей въ нашей школѣ отжилъ свое время и смѣняется другимъ новымъ,—нисколько не омрачаетъ нашего торжества. Встрѣчаясь глазъ на глазъ съ новымъ порядкомъ вещей въ нашей академіи, мы столько же съ радостію и надеждами призываемъ благословеніе Божіе на новую жизнь академіи, на новое дѣланіе и новыхъ дѣятелей, сколько съ торжествомъ и утѣшеніями возносимъ къ Богу благодарныя молитвы за вышнее благопоспѣшеніе нашей академіи въ минувшее пятидесятилѣтіе, црславляя память подвизавшихся въ ней на пользу духовной науки.

Какоежъ послѣднее слово можетъ сказать старая академія новой? Любовь къ жизни создала науку. Но возможна любовь къ наукѣ и безъ любви къ жизни; такая наука тоже, что острый ножъ для жизни. Новая школа да блюдетъ такой

науки! Для жизни бесполезенъ застой въ наукѣ, рутина; но еще болѣе бесполезна—или нѣтъ—опасна и страшна та наука, которая хотѣла бы всю жизнь погребсти въ землѣ, не пролагая ей пути въ вѣчность. И такъ, тотъ, кто любитъ науку, пусть любить не просто жизнь, а вѣчную жизнь! Аминь.

